

Цивилизация и культура

Бабилунга Н.В.

Русская национальная идея и Приднестровье

Аннотация. В статье рассматриваются основные параметры русской национальной идеи: стремление к равенству и справедливости («жить по правде») и поддержка державности, сильной государственной власти. Эти элементы могут находиться в равновесии и гармонии, а могут и непримиримо конфликтовать между собой, что чаще всего приводит к смутам и общественному неустройству. Многонациональное население Приднестровья, в котором в равных долях (примерно по трети) представлены русские, молдаване и украинцы, относит себя к православному Русскому миру, стремится к независимости от националистических устремлений своих соседей (Молдовы и Украины), строит государственность в соответствии с канонами русской идеи. Это обеспечивает межнациональную гармонию и мир, несмотря на очень сложные социально-политические условия и внешнее давление.

Ключевые слова: Россия, Приднестровье, Молдова, национальная идея, межнациональное согласие в полиэтничном обществе.

Национальная идея есть, наверное, у каждого народа. Для американцев – это «американская мечта», символ личного успеха, основанного на прагматизме и голом чистогане. Для евреев – это воссоздание еврейской государственности на Сионе. Для молдаван – сохранение самобытности и культуры под мощным натиском румынизма. Для румын – соединение всех восточнороманских народов в едином «румынском пространстве». Для поляков – возрождение величия и силы Речи Посполитой...

Есть своя национальная идея и у русских. Собственно, сам термин, как и понятие «русская идея» появляются в XIX в. и занимает умы таких выдающихся личностей, как Федор Достоевский, Михаил Бакунин, Василий Розанов, Николай Бердяев, Пителир Сорокин и др. Они много размышляли об истоках этой идеи, формулировали её суть.

Но сама по себе русская идея существует независимо ни от кого со времен начала русской государственности, с Киевской Руси. И в эту эпоху была высказана. Когда главой церкви на Руси стал первый человек из русских людей митрополит Иларион [1] (до него церковью руководили греки из Константинополя), он в своём выдающемся произведении «Слово о законе и благодати» уже тогда, в середине XI в. очертил главные составляющие русской идеи. Утверждая принцип равенства всех народов, резко отрицая все измышления о «богоизбранности» какого-то одного из них, Иларион молится за русскую землю, народ которой никогда не будет покорен чужеземцами.

Мысль о равенстве всех и каждого, сформулированная уже в первые века существования русской государственности, базировалась на евангельском принципе «нет эллина, нет иудея» апостола Павла, согласно которому пред Богом все равны. Одновременно Иларион хорошо понимает необходимость защиты Отечества и соотечественников, высоко оценивая деятельность князей, прославивших ратными подвигами русскую землю. Владимир и другие князья, по мнению Илариона, соединили «благоверие с властью». Благоверие как выражение справедливости и власть как символ государственности в русском сознании должны всегда гармонизировать и не конфликтовать никогда: «Со времени, как было это и доселе не перестал благоверия подвиг» [2].

В этом суть русской идеи, отсюда она развивалась и вырастала; из этих двух основ. С одной стороны справедливость, т.е. равенство всех народов, всех людей, с другой стороны, - державность, как умение защитить справедливость, способность установить и поддерживать равенство, желание распространить благодать на всех. Оба корня имеют различную почву и происхождение. Можно было бы много об этом рассуждать. Но мы остановимся на них лишь мимолетно, лишь в той степени, которая поможет высветить основную мысль, обозначенную в нашей теме.

Одна основа русской идеи – державность – покоилась на интересах великокняжеского двора, институтов государственности, в широком плане, – задачах власти. «Цель этого всенародного единения в духе церковного миропонимания – сохранить чистоту веры, удержать ее апостольскую спасительную истину, «святых Отцов Семи Соборов заповеди соблюдая». Здесь – корни русской державности, понимающей государственную мощь не как самоцель, а как дарованное Богом средство к удержанию народной жизни в рамках евангельской непорочности» – говорит Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев) [3].

Идею державности в дальнейшем усердно разрабатывали осифляне, Зосима Брадский, Филовей Псковский, другие старцы и средневековые монахи-интеллектуалы. Теория «Москва – третий Рим» (два Рима пали, а третий стоит, и четвертому не бывать) утверждала преемственность лидирующей роли Русского государства в православном мире, в христианстве вообще, после того, как эта роль была утрачена Римом и Константинополем. В отрыве от другой части русской идеи вряд ли такая державность многим бы отличалась от государственной идеологии других европейских государств. Но была и другая часть.

Другая основа русской идеи – справедливость, равенство, отсутствие какой бы то ни было исключительности или превосходства, покоилась на мироощущении низов, всей гущи русского народа. Об этой «жажде справедливости» характерной для русского народа много писал Ф.М. Достоевский. А философ Н.И. Бердяев даже отрицал её рациональность, подчеркивал её этические свойства. Потому что стремление русского человека «жить по правде» не имеет в действительности ничего общего ни с «американской мечтой», её индивидуализмом и прагматизмом, культом выгоды и полезности, ни с другими известными нам концепциями и стремлениями народов.

Проблема состоит в том, что на протяжении веков две составляющие русской идеи («жить по правде» и «развитие державности») не всегда находились в единстве и гармонии; чаще они противоречили и конфликтовали между собой. Порой эти конфликты обострялись до такой степени, что страна входила в эпоху бедствий и неурядиц, достигавших и степени смут, социальной катастрофы.

После всех встрясок Руси в период царствования Ивана Грозного в условиях разложения правящей элиты в смутное время, народ не защищал державу, молчаливо наблюдая за тем, как его землю топчут поляки, литовцы, татары и проч. Сознание народа именно так и отражало эту драму: Москва занята пришельцами-католиками, потому что «жили не по правде». В период Лжедмитриев конца XVI – начала XVII вв. в народном сознании идея справедливости никак не складывалась с идеей служения Отечеству в единую ценность. И страна оказалась на грани национальной катастрофы.

Все попытки Бориса Годунова предотвратить эту катастрофу ни к чему не привели. Задолго до Петра он пытался модернизировать страну, обратив свои взоры на опыт Запада. Несколько десятков человек были им посланы в Голландию, Англию и другие страны Европы. И ни один не вернулся. Стрелецкие бунты, церковный раскол и другие неурядицы предвещали стране новую катастрофу, в которой она вряд ли сумела сохранить свою самостоятельность. Если бы Петр Великий не объединил бы Россию на основе русской идеи, – служение Отечеству, закон, долг, честь. Петру удалось сделать то, что Борису не удалось. Ибо при нём две составляющие русской идеи (справедливость и державность) находились в минимальной степени конфликтности, тогда как при Годунове – в максимальной.

В XIX в. министр народного просвещения России и президент Академии наук граф С.С. Уваров, человек не без таланта, попытался сформулировать русскую идею в теории официальной народности, лаконично ограничив её тремя основополагающими понятиями: «Православие. Самодержавие. Народность». Она подверглась острой критике за своё явно монархическое оформление. Впрочем, и самый резкий недоброжелатель этой теории П.Я. Чаадаев, удрученный тем, что Россия стоит в стороне от «всемирного воспитания человеческого рода» [4], в конце концов, признал, что русские в мир пришли позже, чтобы сделать лучше.

В спорах западников и славянофилов русская идея обсуждалась очень горячо. Славянофилы видели уникальность и неповторимость русской идеи в самом феномене существования русского мира. Западники отрицали всякую ценность подобной уникальности, были склонны рассуждать об отсталости страны и необходимости как можно скорей скопировать и внедрить на её почве всё, что уже создано и работает в Европе. Несколько в стороне от этих споров стояли К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев и другие мыслители, разделявшие идеи византизма. По их воззрениям, Запад стремится разрушить Россию; а потому она должна идти на союз не с ним, а с Востоком, лидировать и вести его за собой.

Но неожиданно, а, возможно, и закономерно, наднациональность русской идеи в последние десятилетия XIX в. получает мощную подпитку. Российская интеллигенция усмотрела в естественном желании русского народа «жить по правде» прекрасный питательный бульон для взращивания и распространения в глубинах народа западных идей социального равенства и справедливости. Русские народники увидели в этом сознании исконное, прирожденное влечение к социализму. Они стали работать на то, чтобы идея коммунизма, как идея наднациональная, надрелигиозная и сугубо социальная, органически вошла в основу русской идеи, заменив собой или теоретически обосновав жажду справедливости, стремление «жить по правде».

Рожденные на Западе социалистические теории постепенно делают осмысленным и достижимым смутное желание правды и совести. В этих условиях теория официальной народности безнадежно устарела и не могла конкурировать в русском менталитете с теорией социализма. К тому же Россия была страной многонациональной (лишь 43% её населения составляли русские) и многоконфессиональной. И такой присущий социалистическим теориям вселенский интернационализм органично вписывался в космическую необъятность русской идеи.

Три великих революции в России в первые десятилетия XX в. вовсе не были случайностью, как и приход к власти радикальных революционеров-большевиков в октябре 1917 г. Вовсе не было случайностью и то, что на выборах в Учредительное собрание за социалистические партии проголосовало абсолютное большинства граждан страны, 80% [5]. Интересно, как радикальные монархисты реагировали на итоги выборов в Учредительное собрание: «Удивительно, – писал человек крайне правых взглядов в кишиневскую газету, – что большевики прекрасно поняли дух русского народа и оказались более истинно-русскими, чем забывшие долг перед царем, присягой и родиной Рузский, Алексеев, Каледин, Дутов и др. Долго ли продержится власть большевиков, не знаем, но самодержавие налицо» [6].

Ненависть к Временному правительству и к России Керенского, как и отношение к монархической форме государственности в низах определялось народным сознанием, которое было аналогично сознанию смутного времени. Монархическая империя, эксплуатирующая народы и держащая их в темноте, больше не имела права на существование. Это и привело к гибели романовскую империю.

Трагедия династии Романовых (неизбежная, жестокая и кровавая) состояла в том, что державность, которую они пестовали и защищали, и которая была одним из фундаментальных основ русской идеи, пришла в непримиримое противоречие с другой, не менее фундаментальной основой русской идеи, – желанием справедливости. Но теперь под влиянием социалистических теорий, справедливость включала и такие понятия, как социальное равенство, ликвидация эксплуатации, политические свободы, республиканский образ правления страной, конституционные гарантии прав граждан и т.д.

Не только большевики, но и все социалистические партии сравнительно легко разрушили тысячелетнюю монархическую государственность России. Хотя сравнительно быстро им удалось и восстановить страну под простым и понятным народным низам лозунгом «Социалистическое отечество в опасности!». Победа в гражданской войне радикальных революционеров была обусловлена тем, что в глазах большинства населения в их программе и деятельности вошли в органичное единство два элемента русской идеи, – державность и справедливость. Как только эти элементы перестали противоречить друг другу и приобрели гармоничное соответствие, смута гражданской войны немедленно прекратилась. Страна была восстановлена почти в тех же границах, что и в 1917 г.

Таков в общих чертах экскурс в историю русской идеи, который мы посчитали необходимым сделать, прежде чем говорить о проблемах возрождения государственности в Приднестровье. Наверное, нет нужды отмечать, что после революции марксизм как социалистическая теория, как учение в Советском Союзе был разгромлен и заменен примитивной схемой. Но русская идея продолжала волновать умы наших соотечественников за рубежом, – Н. Бердяева, П. Сорокина, Г. Федотова и др. Они справедливо указывали на объективность существования насилия в России как исторической закономерности, на приверженность русских ко всякой иностранщине, на природную общинность и соборность русского человека, рассуждали о сострадательности русского народа, которая стала почвой для идей социализма.

Но хотелось бы подчеркнуть другое: в той русской идее, которую на протяжении многих веков исповедует русский народ, нет места чисто национальным мотивам; во всяком случае, они не могут приобрести господство. Именно поэтому все современные попытки разжечь национальные мотивы в русской идее, а тем более насаждать в ней национал-социалистские постулаты, как правило, являются просто провокацией, сравнимой с коллективными истериками футбольных фанатов, но неизбежно отвергаемых социумом.

В отличие от местных полуфеодалных полуфашистских национализмов, которые расцвели пышным цветом на обломках СССР, русская идея не разделяет людей по нациям, сословиям, кастам, а тем более сортам, как это делается в большинстве бывших советских республик, – «коренные хозяева земли», «оккупанты», «пришельцы», «манкурты», «мигранты», «инонационалы», «руссофоны» и проч. Существование этносов или классов в России, конечно, не отрицается, но они объединяются русской идеей для совместного служения Отечеству, единой

державе, в интересах всех, интересах каждого. Без мощной государственности, без сильной власти и законности такого объединения быть не может; а, следовательно, не может быть реализована мечта о справедливости. Конфликт между важнейшими составляющими русской идеи может вновь превратить народ в безучастную массу людей, с равнодушием наблюдающую за гибелью страны, или, того хуже, – превратить эту массу в неуправляемую толпу майданных штурмовиков русского варианта какой-нибудь доморощенной «революции гидности». А малые нации, тяготевшие в прошлом к России, ныне шумно празднующие свои «суверенитеты», без её поддержки и защиты, скорее всего, просто обречены на гибель, на уход с исторической арены, какие бы формы примитивного национализма или русофобии они не принимали себе на вооружение.

Учитывая вышеизложенное, становится более рельефной и выпуклой та роль, которую играет русская идея в жизни, политике, культуре и самосознании населения Приднестровья, которое в период развала СССР заявило на референдумах о своей воле возродить собственную государственность. Приднестровцы сумели защитить свое государство в 1991-1992 гг. от агрессии кишиневского режима, вознамерившегося включить их земли в состав Румынии. Треть населения Приднестровской Молдавской Республики составляют молдаване, треть – украинцы, треть – русские. Здесь живут также болгары, евреи, гагаузы, поляки, армяне и представители многих других народов. Их более семидесяти на нашей земле. Все они считают себя принадлежащими к Русскому миру.

На всенародном референдуме 2006 г. более 97% приднестровцев высказалось за укрепление собственной независимости и дальнейшее сближение с Россией, отвергнув даже мысль о новом соединении с Молдовой [7]. И это не случайно. Массовое кровопролитие конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., на которое пошел кишиневский режим во имя, якобы, «восстановления конституционного порядка» и «территориальной целостности Молдовы», объявленной властями «частью Румынии», не забыто и никогда не будет забыто народом Приднестровья. Но дело не только в этом.

Сама природа определила земли Приднестровья как контактную зону Европы, где встречаются, сосуществуют, так или иначе, взаимодействуют друг с другом различные народы и различные цивилизации. С глубочайшей древности Днестр был условной границей, отделявшей кочевые народы Северного Причерноморья – киммерийцев, скифов, сарматов и др. от фракийцев и иллирийцев, от германцев и других племен Центральной и Западной Европы. С середины первого тысячелетия н.э. Днестр разделял заселивших Восточную Европу славян, отделяя западных (склавинов) от восточных (антов). В VIII в. регион заселяют славянские племена тиверцев, уличей, белых хорватов, которые затем, в X в. объединяются в составе Древнерусского государства, а после распада Киевской Руси Приднестровье становится частью мощного Галицко-Волынского княжества.

Несколько веков славянство защищало здесь свою оседлую цивилизацию от беспокойных кочевников, двигавшихся по Великой степи к Днестру и Дунаю, – печенегов, берендеев, торков, половцев и других, пока не было разгромлено при батыевом нашествии и не вошло в Золотую орду в виде Подольского улуса. Когда в середине XIV в. было создано Молдавское княжество, а из Подольского улуса были изгнаны монголо-татары и к востоку от Днестра простирались огромные территории Русско-Литовского государства, Днестр вновь приобрел пограничные функции, разделяя эти государства [8].

В XV в. Северное Причерноморье было захвачено вассалами османского султана крымскими татарами, принявшими ислам; автохтонное славянское население в Нижнем и Среднем Поднестровье было рассеяно. Но Днестр, как и Южный Буг, и Днепр становится ареалом обитания формирующегося казачества в многовековой борьбе отстаивавшего свою славянскую идентичность и духовность. Здесь на Днестре соприкасались и конфликтовали между собой непримиримо враждующие державы – Молдавия в составе Османской империи, Польша (затем Речь Посполита), Крымское ханство. Много веков проживавшее здесь православное славянское население, не имевшее ниоткуда никакой поддержки, было вынуждено организовывать самооборону, спасая себя как от бесчинств турок и татар, так и от польского католического засилья и подавления.

Часть северного Приднестровья по решению Переяславской рады 1654 г. вместе с другими украинскими землями впервые вошла в состав Московской Руси. Поляки попытались отбить эти земли у Руси, но удержать их не смогли, передав Приднестровье Османской империи. А затем в течение всего XVIII в. Россия вела с османами длительную борьбу за освобождение единоверных православных народов, – молдаван, валахов, болгар, сербов, греков и др. Наконец, в декабре 1781 г. по Ясскому миру Приднестровье вернулось в состав России, а Днестр стал границей между Османской и Российской империями. Вскоре по Петербургской конвенции Россия присоединила к себе и северную часть Приднестровья, вместе с другими историческими землями Подолья. Для защиты региона от хищнических поползновений соседей А.В. Суворов основывает на новых рубежах крепость и город, которому Екатерина дала имя Тирасполь.

В течение считанных лет освобожденные земли Приднестровья были заселены украинцами, русскими, молдаванами, армянами, болгарами, евреями, немцами и другими народностями. В течение двух веков здесь шли интенсивные процессы ассимиляции, взаимовлияния разнообразных культур, традиций, менталитета, исторического опыта. Двести тридцать лет на этой территории из разных этнических сред формировалась единая общность людей со своим особым психологическим типом. Этот архетип вырабатывал и особый приднестровский характер людей веротерпимых, открытых, дружелюбных, лишенных национальной замкнутости, этнической исключительности, чванства и косности. Между этими людьми стала невозможной религиозная рознь или этническая нетерпимость [9].

В 1918 г. Румыния, бывшая союзница России по Антанте и обязанная ей спасением своей государственности, когда немцы оккупировали большую часть этой страны, воспользовавшись ослаблением России в результате революционного водоворота 1917 г., оккупировала территорию Днестровско-Прутского междуречья и отняла у России земли Бессарабии. Днестр возвратил себе пограничные функции. Множество молдаван бежало на левый берег от террора румынской военщины. В 1924 г. в левобережном Приднестровье впервые в истории создается молдавская государственность в составе Украины на землях, которые никогда не входили в состав Молдавского княжества.

Молдавская государственность в Приднестровье действовала полтора десятка лет, в течение которых здесь произошли грандиозные сдвиги в общественно-экономической и социальной сферах, в культурном развитии народа, несмотря на все драматические и трагические коллизии сталинской эпохи. Из края с поголовной неграмотностью населения регион превратился в развитую аграрно-индустриальную республику. Но, пожалуй, наиболее важным итогом этого исторического периода стало укрепление сложившегося многими десятилетиями и веками менталитета населения Приднестровья, которому всегда были присущи чувства взаимоподдержки, товарищества, согласия и доброжелательности. Общие победы и общие трагедии сблизили и сплотили приднестровцев в их региональном социуме.

Приднестровцы активно участвовали в гражданской войне. Именно на этих землях формировались и начинали свой боевой путь дивизия И. Якира, бригада Г. Котовского и другие прославленные соединения Красной Армии. Жители края активно защищали Родину в боях на озере Хасан и реке Халкин-Гол, в годы финской войны. В то время как Бессарабия под властью румын была превращена в самый бедный, самый нищий регион Европы с самой высокой смертностью населения. А многолетняя насильственная румынизация населения и «промывание мозгов» идеологией агрессивного румынизма не могла определенным образом не отразиться на национальном самосознании молдаван. Это углубляло и без того существующие различия в менталитете бессарабских молдаван в отличие от молдаван приднестровских.

Таким образом, прорумынская этнокультурная ориентация молдаван Приднестровья в более поздний период оказалась просто невозможной. Не говоря уж о других этнических составляющих приднестровской общности, – украинцах, русских, болгарях, евреях, гагаузах и проч. Интернационализм вместе с советским патриотизмом, вошедшие в плоть и кровь приднестровцев за время их государственного развития в составе СССР, органично вписались в другие составляющие приднестровского менталитета, – стремлению к справедливости и защите державности. Не случайно, видимо, в период Великой Отечественной войны 16 жителей Приднестровья стали героями Советского Союза, а уроженцы Тирасполя дали больше героев, чем все правобережные районы Днестра в Молдове.

Государственность в Приднестровье в первой половине XX в. просуществовала 16 лет до августа 1940 г., когда Красная Армия освободила Бессарабию от румынской оккупации и эти территории

(Бессарабии и Приднестровья) были объединены в одну союзную Молдавскую ССР. Приднестровье потеряло тогда свою государственность.

И в этом смысле республика является несомненной жертвой пресловутого «Пакта Молотова-Риббентропа», жертвой безвинной и забытой. Можно сказать, даже единственной. Ибо прибалтийские республики не потеряли своей государственности, а лишь изменили её формы, – от буржуазных весьма сомнительных демократий в республики советского образца. При этом они даже выиграли в территориальном отношении за счет Польши и России. Ни Бессарабия, ни Западная Украина вообще не имели никаких форм государственности в составе Румынии или Польши. В территориальном отношении несколько «пострадала» лишь Украина, лишившись левобережного Приднестровья, что было её компенсировано Южной и Северной Бессарабией, а также Буковиной. Но из всех названных заинтересованных сторон свою государственность потерял лишь народ Приднестровья. Он лишился своей автономии в составе УССР и единым росчерком пера был передан под юрисдикцию Молдавской ССР со столицей в Кишиневе [10].

Ликвидация государственности в Приднестровье была произведена совершенно произвольно в нарушение всех основополагающих норм и существующего на тот момент законодательства. Впрочем, самих приднестровцев в те времена это мало беспокоило, ибо их никто не отрывал от России, Украины и других народов единого Союза. В составе единого Советского Союза административные границы не имели большого значения.

В годы Великой Отечественной войны приднестровцы воевали плечом к плечу со всеми народами страны против фашистской чумы. Румынские оккупанты вновь придали Днестру статус пограничья, которое отделяло губернаторство «Басарабия», захваченным румынами в собственность, от губернаторства «Транснистрия», которое находилось под совместным управлением румынской администрации и рейхскомиссариата «Украина».

Фашистский диктатор Румынии Антонеску не скрывал своих планов в отношении Приднестровья: «Не секрет, что я не склонен упустить из рук то, что приобрел. Транснистрия станет румынской территорией, мы её сделаем румынской и выселим оттуда всех иноплеменных» [11]. Румынский фюрер не шутил, – оккупанты действительно превратили этот край в место массовых казней, убийств, гетто, концлагерей и геноцида. Сюда свозили каратели десятки тысяч «иноплеменных» (чаще всего евреев и цыган) – детей, женщин, стариков; здесь их и уничтожали. Но не затихало подпольное и партизанское движение. Земля горела под ногами оккупантов, как и на других захваченных ими территориях.

В послевоенные десятилетия народ Приднестровья в тяжелейших условиях голода и неурядиц сумел восстановить свою экономику и вывести её на передовые рубежи. Правда, кишиневская партийно-политическая элита сознательно и целенаправленно пыталась сделать из Приднестровья не экономический локомотив для движения вперед всей республики, а некую падчерицу, нелюбимую и притесняемую хозяевами. В 70-е годы курс на монополизацию всех командных высот в республике негласно получают представители «титупольной нации», что вполне

согласовывалось с большевистской политикой «коренизации» аппарата власти и всех форм жизни общества, начиная ещё с 20-х гг. XX в.

Несмотря на то, что Приднестровье в послевоенные времена приобретало всё большую значимость как важный промышленный и энергетический регион юго-запада СССР, республиканский бюджет держал его на сухом пайке. Недостаток финансирования Приднестровья Кишиневом и социально-экономическая дискриминация местного населения проявлялась буквально во всем. Ни одного учреждения культуры не было сдано в Тирасполе с середины 70-х гг. Обеспеченность школьными местами составляла здесь 60%. В медицинских учреждениях не хватало 700 врачей, фельдшеров и других специалистов. В городе действовало 12 аптек при норме 20. На один левобережный район МССР приходилось 35 клубов, тогда как на правом берегу Днестра – 54 клуба. Не хватало культурных учреждений, библиотек, школ, лекарств, медицинского оборудования. Весь этот искусственно созданный дефицит сопровождался ползучим предоставлением «титულიной» нации всех прав и преимуществ, «коренизацией» аппарата власти, выдаваемой за «ленинскую национальную политику» [12].

Однако приднестровцы терпели всё и не роптали. Положение стало изменяться кардинальным образом и очень стремительно, когда в период развала СССР власти Молдовы объявили себя на самом высоком уровне «вторым румынским государством» и «оккупированной румынской землёй», отказались от молдавского языка, заменяя его румынским, приняли румынские атрибуты государственности (флаг, герб, гимн и проч.), объявили о своей главной цели, – воссоединить всех «румын» Молдовы в едином румынском государстве, включая в него и «Транснистрию».

Перед угрозой нового геноцида и опасности повторения нацистской оккупации своей земли со стороны румынских «хозяев» и их кишиневских приказчиков, приднестровцы потребовали политического самоопределения. Властям Кишинева было предложено приднестровскими депутатами ввести два государственных языка в районах с многоэтничным населением и предоставить региону статус «Свободной экономической зоны», что полностью соответствовало принимаемому Москвой законодательству периода перестройки. Кишинев стал бряцать оружием и угрожать «наглым пришельцам», «оккупантам» и «манкуртам» принудить их самой жестокой военной силой к послушанию и дисциплине.

Затем Верховный Совет Молдовы принимает наиболее абсурдный по своей сути закон о «незаконности» создания Молдавской ССР в 1940 г., по которому левобережное Приднестровье было лишено автономной формы государственности в составе Украины и пристегнуто к Молдавской ССР. Вся территория Молдовы объявлялась «оккупированной румынской землёй». Это дало приднестровцам все юридические права провести референдум, чтобы определить волю народа, – желает ли он восстановить утерянную в 1940 г. государственность, или вместе с кишиневскими властями приднестровцы тоже считают себя оккупированной румынской территорией.

Проведенные во всех городах и селах референдумы показали, что абсолютное большинство приднестровцев желает восстановить свою утраченную государственность и видит в этом шаге единственное спасение от повторения всех трагедий уже пережитых им в XX в. Так волею народа на законных и цивилизованных основах создавалась новая государственность – Приднестровская Молдавская Республика [13]. Она пережила много драматических и трагических катаклизмов, в том числе и беспрецедентную агрессию вооруженных сил Молдовы при поддержке Румынии против мирных ни в чем не повинных жителей Приднестровья. Эта агрессия потерпела полный крах.

Мало что даёт организаторам всевозможных блокад против Приднестровья и окружение этой территории кольцом экономических, финансовых и прочих блокад, а порой и примитивного грабежа приднестровского имущества различными государственными службами и частными фирмами Молдовы. Такие санкции малоэффективны, ибо приднестровцев уже трудно в этом плане чем-либо удивить или запугать. Не дают никаких результатов и многочисленные попытки разжечь внутри приднестровского социума межнациональные разногласия, некоего подобия «оранжевой революции», киевского майдана или кишиневской «мамалыжной революции» апреля 2009 г.

Думается, в большой мере неудача этих потуг связана с менталитетом приднестровцев, который вполне укладывается в рамки русской идеи, или, точнее, базируются на идее, о которой говорилось выше. Основным фактором межнационального мира и согласия в ПМР, где по конституции существуют три официальных языка и разрешено вводить другие языки в районах массового проживания их носителей, является принцип абсолютного приоритета прав человека над правами нации, класса, религии, партии или любой другой группы людей. Это само по себе исключает конституирование каких-либо привилегированных слоев. В условиях невероятных экономических и социальных трудностей, санкций и блокад приднестровцы свято берегут эти простые принципы, которые позволяют им выживать в данных условиях, как они выживали, организовывая самооборону, десятилетия и столетия тому назад.

Русская идея всеобщей справедливости не предполагает и не допускает ни в коем случае разделения сограждан на «коренных», «оккупантов», «мигрантов», «пришельцев» и т.д., что почти три десятилетия существует в Прибалтике и на Кавказе, Средней Азии, Украине, Молдове или других бывших «республиках-сестрах» когда-то единой страны. Приднестровцы не выдвинули из своей среды ни одного общественного лидера или просто заметного деятеля, который проповедовал бы идеи национальной исключительности или «защиты» своего «несчастливого» народа от иноверцев-поработителей, от каких-то мифических «врагов», проживающих в соседнем доме на соседней улице. Такие маргинальные личности, возможно, и находятся где-то рядом, но они не могут не понимать всю бессмысленность и бесперспективность подобного рода пропаганды внутри приднестровского сообщества.

А ведь именно такой отказ бывшими республиками СССР от фундаментальных ценностей русской идеи, которой они вольно или невольно придерживались во времена совместного общежития, приносит многим народам бывшего СССР неисчислимые бедствия, кровь, слезы, страдания и горе. Вселенский размах этой новой смуты, вероятно, оценят наши потомки. Очевидно, они назовут поименно и воздадут должное тем бездарным политикам, продажным пропагандистам и национальным лжепророкам, кто вверх свои народы в эти ужасы, чем бы они ни руководствовались.

Не случайно, наверное, созданная в 1990 г. в Приднестровье республика названа не по имени «титulyного» этноса, как это принято большинством государств мира, а по своему географическому положению на Днестре. И Конституция этого государства начинается словами «Мы, многонациональный народ Приднестровской Молдавской Республики...». А слово «Молдавская» в названии республики, в которой молдаване составляют треть населения, подчеркивает, что это государство соблюдает и уважает, молдавскую идентичность, менталитет, язык, культуру, самосознание молдаван [14]. В отличие от Республики Молдова, в которой большинству «титulyного» населения насильно навязывается румынская идентичность, правда, безуспешно пока.

Приднестровский народ, все его этнические составляющие с особым чувством относятся к России, связывают именно с ней надежды на лучшее будущее, надежды на мир, спокойствие и процветание. На Международном форуме российских соотечественников «Вместе с Россией» 5 марта 2018 года президент ПМР В.Н. Красносельский привел следующие данные: «В республике проживает одна из крупнейших зарубежных российских диаспор – количество граждан Российской Федерации в ПМР давно превысило 220 тыс. При этом в 2016 г. на выборах в Государственную Думу Приднестровье стало лидером по абсолютному числу голосовавших за рубежом избирателей – 55 693 человека, а это 25,8% от всех проголосовавших зарубежных россиян» [15]. Таким образом, русская национальная идея является реальной политической силой для народа республики, сознательным или подсознательным выбором каждого приднестровца. Одним фактом своего существования республика доказывает жизнеспособность и эффективность толерантного и неконфликтного сосуществования различных этносов и культур в одном пространстве. Ведь и в России живут не менее двух сотен различных народов и национальностей.

Возвращение к русской идее – это единственный путь к спасению всех народов, брошенных несколько десятилетий назад в костер предательства, братоубийственных войн и раздоров. Жить по правде, по совести, справедливости и державности – вот высшие ценности не только для русских, но и для всех людей погубленной страны и для каждого из нас. Восстановление и реализация русской идеи в её гармоничном единстве спасет десятки, а может и сотни тысяч людей, уже по сути приговоренных нечестными политиками к смерти.

Приднестровцы же от русской идеи не отворачивались никогда. Они, чувствуют и считают себя частью Русского мира. А потому русской идеей жили, и будут жить. В этом залог

международного мира и успешного почти 30-летнего существования их Приднестровской Молдавской Республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архимандрит Макарий (Веретенников). Киевский митрополит Иларион (1051-1054) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2014. – Вып.2 (8). – С. 118-119.

[2] Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. – С. 85.

[3] Там же. С. 8.

[4] Тарасов Б. П.Я. Чаадаев и русская литература первой половины XIX века // Чаадаев. П.Я. Статьи и письма. – М., 1989. – С. 14.

[5] Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. – М.: РОСПЭН, 1997. – С. 322.

[6] Голос Кишинева. 1917. 4 дек.

[7] Заявление Государственной Думы «Об итогах референдума в Приднестровье 17 сентября 2006 года» // Политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровской Молдавской Республики. – Тирасполь, 2018. – С. 121.

[8] Бабилунга Н.В. Приднестровье в составе Великого княжества Литовского // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – 1997. – № 1. – С. 9.

[9] Бабилунга Н.В. Приднестровье: шаги истории. – Тирасполь, 2015. – С. 38.

[10] Бабилунга Н.В. История ПМР в кратком изложении // Приднестровье в макрорегиональном контексте черноморского побережья / Под ред. Кимитака Мацузато. – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido Universiti. 2008. – С. 51-52.

[11] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза : Сб. документов и материалов. Т. 2. – Кишанев, 1975. – С. 103.

[12] Бомешко Б.Г. Создание, становление и защита приднестровской государственности: 1990-1992 гг. – Бендеры, 2010. – С. 63-65.

[13] Кондратович Д.Ф. Приднестровская революция: 1989-2002 гг. // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – 1999. – № 3, – С. 24.

[14] Бомешко Б.Г. Создание, становление и защита приднестровской государственности... С. 15.

[15] Красносельский В.Н. Приднестровье – составная часть русского мира: текущая ситуация и перспективы развития // Политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровской Молдавской Республики... С. 15.

© Бабилунга Н.В., 2018.

Статья поступила в редакцию 25.11.2018.

Бабилунга Николай Вадимович,

кандидат исторических наук, профессор,

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь),

e-mail: babi05@rambler.ru

Babilunga N.

Russian National idea and Transnistria

Abstract. The article discusses the main parameters of the Russian national idea: the desire for equality and justice (“live by the truth”) and support for the statehood, a strong state power. These elements can be in balance and harmony, and they can irreconcilably conflict with each other, which most often leads to unrest and social disorder. The multinational population of Transnistria, in which Russians, Moldovans and Ukrainians are equally represented (about one third), identifies itself to the Orthodox Russian world, seeks independence from its neighbors (Moldova and Ukraine) from the nationalistic aspirations, builds statehood in accordance with the canons of the Russian idea. This ensures inter-ethnic harmony and peace, despite the very complex socio-political conditions and external pressure.

Key words: Russia, Transnistria, Moldova, national idea, interethnic harmony in polyethnic society.

Babilunga Nikolay Vadimovich,

PhD in History,

Pridnestrovian State University named after T.Shevchenko (Tiraspol)